

А. В. Дмитриев

**Драгунские полки русской армии на службе в Сибири
в середине XVIII века. (1740-е годы)**

Период середины XVIII в. (1740–1750-е гг.) до сих пор остается одним из наименее изученных в истории регулярной армии России, в частности, русской кавалерии. Даже в ставших классическими обобщающих трудах дореволюционных и советских исследователей ¹, равно как и в работах современных специалистов ², он характеризуется лишь в общих чертах, как правило, с точки зрения тех организационных и материально-технических изменений, которые претерпевали вооруженные силы страны в целом. Исследований же, описывающих положение отдельных воинских частей в указанный период, мы не имеем вообще. Очевидно, назрела необходимость проверки многих концептуальных положений, как правило, цитируемых историками, с привлечением конкретных данных по возможно большему числу армейских подразделений.

Используя источники, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и содержащие информацию о личном составе полков русской армии на протяжении XVIII в. (ф. 490 – «Коллекция офицерских сказок»), мы постарались выявить и проанализировать доступные данные о численности, кадровом составе и внутренней структуре армейских кавалерийских (драгунских) частей, несших службу в восточной части империи на протяжении 1740-х гг. В частности, речь идет о двух полках: Луцком и Олонецком, переведенных в Сибирь наряду с другими полевыми соединениями в 1744–1745 гг. указом императрицы Елизаветы Петровны и поступивших под командование генерал-майора Х. Киндермана. Г. Ф. Быконя, ссылаясь на «Историю

¹ См., например: *Волинский Н. П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Петра Великого. СПб., 1908; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в.: Очерки. М., 1958.

² См.: *Бегунова А. И.* Сабли острые, кони быстры... Из истории русской кавалерии. М., 1992.

ческое обозрение Сибири» П. А. Словцова, определял местом их дислокации строившуюся здесь Колывано-Воскресенскую крепостную оборонительную линию¹. В его работе содержится ряд сведений об офицерском корпусе этих полков², однако практически отсутствуют конкретные биографические данные о служебной карьере отдельных лиц из штаб- и обер-офицеров. Мы постараемся восполнить этот пробел.

Кратко остановимся на истории этих воинских частей. Луцкий и Олонецкий драгунские полки возникли еще в 1706–1707 гг. и в составе армии Петра Великого приняли активное участие во многих сражениях Северной войны (1700–1721). Луцкий был сформирован в 1706 г. в Копорье из «шляхетства» и казаков Новгородского разряда³, Олонецкий в 1707 г. был переформирован из рейтарского полка, набранного еще в 1700 г. в Смоленске⁴. В ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. они находились в непосредственной близости к театру боевых действий – на Украине, наряду с другими частями составляя резерв для армии фельдмаршала Б.-Х. Миниха⁵. Утвержденные в начале 1730-х гг. гербы этих полков выглядели следующим образом: Луцкого – «в золотом щите на красном поле рука, выходящая из облаков и мечом перерубающая черного змея», Олонецкого – «в серебряном щите на желтом поле рука с синим щитом, выходящая из облаков, и внизу четыре черных ядра на цепях, крестообразно положенных»⁶. Непосредственно же перед отправкой на восток в 1744 г. они дислоцировались: Луцкий – в Казанской губернии, Олонецкий – в Ни-

¹ Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск, 1985. С. 177. Кроме упомянутых выше, в Сибирь также был переброшен Вологодский драгунский полк, однако его материалы нами еще не обработаны, поэтому мы не включаем их в рамки настоящей публикации.

² См.: Быконя Г. Ф. Русское неподатное население... С. 199, 200.

³ Рабинович М. Д. Полки Петровской армии, 1698–1725. Краткий справочник. М., 1977. С. 94; Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение. М., 2008. С. 275.

⁴ Рабинович М. Д. Полки петровской армии... С. 81, 97; Татарников К. В. Русская полевая армия... С. 288.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 402. Л. 1110.

⁶ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899. Ч. 2. С. 110, 112.

жегородской¹. На сибирской службе они провели 12 лет, а в 1757 г., уже во время Семилетней войны (1756–1762), были расформированы с целью пополнения действующей на европейском театре боевых действий армии². По данным именных списков личного состава Луцкого драгунского полка за 1748 г.³ и Олонецкого полка за 1749 г.⁴ можно вполне точно судить о внутренней организации данных воинских частей, равно как и о кадровом составе рядовых и офицеров, во время их пребывания на территории Сибири.

Структура драгунских полков середины XVIII в. выглядела следующим образом: каждый полк делился на несколько эскадронов, в общей сложности насчитывавших 10 рот по 82 рядовых⁵. С приходом к власти императрицы Елизаветы Петровны в конце 1741 г. во всех полках, армейских и гарнизонных, пехотных и кавалерийских, были выделены отдельные роты гренадер⁶. Соответственно уже с 1742 г. драгунский полк состоял из 11 рот. Гренадерские роты, благодаря своему привилегированному положению⁷, имели несколько большую численность – 100 чел. На момент проведения смотра в Луцком полку оказались налицо 916 рядовых драгун, в Олонецком – 913, т. е. оба они были практически полностью укомплектованы⁸. Службу здесь несли рекруты, взятые, в основном, из крестьян нескольких губерний европейской части страны: Московской, Киевской, Воронежской, Белгородской, Казанской, Новгородской и др. К моменту передислокации в Сибирь среди драгун можно было встретить как ветеранов, начавших службу

¹ См.: Кузнецов Е. В. Из Тобольской старины. Нападение на полицеймейстера Бабановского. Тобольск, 1891. С. 3.

² Данные об этом см.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 582.

³ Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309.

⁴ Там же. Д. 339.

⁵ Татарников К. В. Русская полевая армия... С. 23.

⁶ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот... С. 63, 65; Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Русская пехота, 1698–1801: боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995. С. 69. Впрочем, целесообразность подобной меры, особенно для драгунских полков, нередко ставится под сомнение. См.: Гаврищук В. В. Русская армия в XVIII в. Историографический обзор. М., 2003. С. 79, 80.

⁷ Это обстоятельство уже отмечалось исследователями. См.: Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Русская пехота... С. 70.

⁸ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 339. Подсчет наш.

еще со второй половины 1720-х гг., так и новобранцев, поступивших в полки уже в начале 1740-х гг.

Весьма интересны данные о том, когда и кем пополнялись оба полка, уже будучи расквартированным в Сибири. Например, в 1746 г. в Луцкий полк поступили 190 вновь набранных рекрут, причем большинство среди них составили отнюдь не сибирские уроженцы. Так, 56 чел. были выходцами из казанских крестьян, 48 – крестьяне Вятского уезда, 40 – из крестьян и посадских Хлыновского уезда. В 1747 г. в рядах полка оказались еще 5 чел., причем трое из них представляли «благородное шляхетство»: один проживал в Пронском уезде ¹, другой был костромским дворянином ², третий был зачислен в полк из дворянских недорослей ³. А вот уже в 1748 г. мы отмечаем появление сибиряков почти в каждой роте. Всего в этом году взяты на службу 16 уроженцев Тобольска: один из них был сыном местного казака, все остальные – сыновья солдат. Еще одной интересной деталью было значительное участие рядовых драгун в проведении очередной «ревизии» душ (т. е. переписи населения страны) – почти 100 чел. были направлены для этой цели в соседнюю Казанскую губернию ⁴.

Сходную картину мы получаем и при анализе именных списков личного состава рядовых Олонецкого полка. В 1746 г. его ряды пополнили 85 чел., из них 56 представляли крестьян Хлыновского уезда, а еще 17 – другие места Вятской провинции (все они также были крестьянами, кроме одного – выходца из купечества). Зато уже с 1747 г. сюда стали брать на службу сибирских рекрут. Гренадерами в полку стали тогда монастырский крестьянин, уроженец Вагайской слободы, трое из Тары (крестьянин и двое «разночинцев»), житель Селенгинска ⁵. В драгуны были записаны 13 сибирских крестьян (Иркутск – 5 чел., Тара – 2, Тюмень – 2, Томск – 1, Тобольск – 1, Селенгинск – 1), солдатский сын из Тобольска, 4 «разночинцев» (Тара – 3 чел., Иркутск – 1), 2 казачьих сыновей из Нерчинска и Тюмени. Впрочем, вместе с ними зачислили в полк и князя Д. М. Кудашева, происходившего из дворян Шацкого

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 87 об., 88.

² Там же. Л. 119 об., 120.

³ Там же. Л. 165 об., 166.

⁴ Все приведенные цифры подсчитаны нами по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309.

⁵ Там же. Л. 27 об., 28.

уезда ¹. В 1748 г. в полк прибыли еще 11 солдатских сыновей из Тобольска и 2 крестьян (один представлял Ялutorовский дистрикт, другой был из Иркутска) ². Опять-таки при этом мы находим здесь еще одного дворянина – это был И. И. Тверитинов, чей брат владел в Переяславль-Рязанском уезде 48 душами крепостных м. п. ³ Наконец, в 1749 г. в гренадерскую роту был взят крестьянин из Краснослободского дистрикта ⁴.

Таким образом, мы видим, как менялся с течением времени кадровый состав рядовых в армейских драгунских полках Сибири. Уже через два года после переброски сюда полевых частей они стали пополняться в ходе рекрутских наборов местными уроженцами. Еще более наглядно иллюстрируют эту тенденцию перемены в личном составе дислоцированных здесь армейских пехотных полков (Ширванского и Нотебургского), когда они в 1747 г. наряду с остальными полевыми частями были превращены в 3-батальонные именно за счет пополнения сотнями рекрут-сибиряков ⁵. Небезынтересно, что гарнизонные полки Сибири как раз с этого же времени стали пополнять, как правило, рекрутами, взятыми из европейских губерний ⁶, т. е. произошла своеобразная «рокировка». Однако этот сюжет уже выходит за рамки нашей публикации.

Перейдем теперь к анализу данных по штаб- и обер-офицерам полков. Интересная особенность, сразу же бросающаяся в глаза, – командовали обоими полками иностранные офицеры, причем поступившие на русскую службу еще при жизни

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 339. Л. 72 об., 73.

² Все приведенные цифры подсчитаны нами по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 339.

³ Там же. Л. 189 об., 190.

⁴ Там же. Л. 27 об., 28.

⁵ См., например, данные по Нотебургскому пехотному полку: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 306. О сути этой реформы см.: *Масловский Д. Ф.* Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М., 1883. С. 129; *Он же.* Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1. С. 225, 227; *Столетие* военного министерства, 1802–1902. СПб., 1902. Т. 4: Главный штаб. Исторический очерк. Введение: Вооруженные силы России до царствования императора Александра I. С. 167; *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота... С. 69.

⁶ См., например, данные по Якутскому гарнизонному пехотному полку за 1748 г.: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 321.

Петра Великого! Командиром Луцкого полка был полковник Иван Иванович (вероятно, Иоганн) фон Эйкин, австриец по происхождению («из шляхетства цесарской нации»). Ему было уже 67 лет, в Россию он приехал в 1724 г., а вступил в командование полком в 1743 г.¹ Интересно, что за почти четверть века, проведенную в России, он, судя по всему, так и не овладел русским языком – «грамоте и писать умеет», как было отмечено в его формулярном списке, только по-немецки. Олонецким полком командовал бригадир Иван Иванович (видимо, Джон) Крафт, выходец с Британских островов, 56 лет от роду. Приехав в Россию в 1723 г., он получил чин полковника еще при Анне Иоанновне (в 1737 г.) и в дальнейшем продолжал успешно продвигаться по служебной лестнице – последствия воцарения Елизаветы, сопровождавшегося отставками многих офицеров-иностранцев, служивших в русской армии, его не коснулись². Кроме него, мы также находим в «полковом штабе» подполковника Ивана Христофоровича (вероятно, Иоганн-Кристоф) Штруфа, уроженца Мекленбурга³, и премьер-майора Иоганна Рудольфа фон Хенинберха, лишь несколько месяцев назад произведенного из секунд-майоров Азовского драгунского полка, но еще не прибывшего к новому месту службы⁴. Такое преобладание иностранцев среди полковых штаб-офицеров даже в середине XVIII в. не было редким явлением – например, Ширванским пехотным полком командовал испанец Хосе де Гаррига, с момента своего приезда в Россию в 1740 г. носивший чин полковника⁵.

Русские в штаб-офицерских чинах были представлены подполковником Луцкого полка Сергеем Ивановичем Измайловым, богатым помещиком (в нескольких уездах Европейской России за ним числились более тысячи крепостных душ м. п.), и его сослуживцами, премьер-майором Дмитрием Васильевичем Гурьевым и секунд-майором Петром Сергеевичем Арцыбашевым⁶. Их состояние было куда скромнее: Гурьев имел 60 душ м. п. в Арзамасском уезде, Арцыбашев – 67 душ м. п. в Тверском уезде. Сюда же мы можем отнести и секунд-майора Олонецкого полка

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 1 об., 2.

² Там же. Д. 339. Л. 1 об., 2.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 2 об., 3.

⁵ См.: Там же. Д. 337. Л. 1 об., 2.

⁶ Там же. Д. 309. Л. 1 об., 2.

Романа Семеновича Башмакова, имевшего 64 души м. п. в Новгородском уезде ¹. Возраст этих офицеров колебался в пределах 45–55 лет, а воинский стаж насчитывал уже более 30 лет, поскольку все они служили еще со времен Петра Великого. Только подполковнику Измайлову не исполнилось еще 40 лет, а в ряды армии он вступил в конце 1720-х гг. На момент проведения смотра он, вместе с секунд-майором Арцыбашевым, по-прежнему находился «в Казанской губернии при генеральной ревизии» (отправлены они были туда еще в 1744 г., т. е. до сих пор так и не прибыли в Сибирь).

В рамках данной статьи мы не имеем возможности подробно останавливаться на биографиях всех обер-офицеров, поэтому постараемся только дать общую картину по ряду параметров. Прежде всего нам необходимы сведения о сословном происхождении, возрасте и этапах военной карьеры этих офицеров. Для начала покажем численность людей в интересующих нас чинах по обоим полкам. Общая численность обер-офицеров драгунского полка должна была составлять 33 чел. Как видим, в обоих полках практически не было незанятых вакансий, в то время как для гарнизонных частей Сибири нехватка офицеров была обычным явлением ². Заметим, впрочем, что ряд офицеров числились в полках лишь «виртуально», поскольку с момента определения так и не прибыли к новому месту службы. В Луцком полку таковыми являлись капитан Афанасий Шишкин, переведенный по распоряжению генерал-майора Х. Киндермана «из состоящих сверх комплекту капитанов» Вологодского драгунского полка в 1746 г., однако до сих пор не явившийся сюда, хотя предоставленный ему отпуск с возможностью жить в своем доме завершился уже в январе 1748 г. ³, и прапорщик Иван Мусин-Пушкин, еще с 1744 г. находившийся в Московской губернии «при генеральной ревизии» ⁴. В Олонецком же отсутствовали сразу 9 чел., однако этому есть объяснение. Все они были повышены в чине в апреле 1749 г., лишь за несколько месяцев до проведения инспекторского смотра (он при-

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 339. Л. 2 об., 3.

² См.: *Дмитриев А. В.* Офицеры русской армии на сибирской службе в 30-х гг. XVIII в. (По материалам Якутского пехотного полка) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. материалов 2-й регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2008. С. 120.

³ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 168 об., 169.

⁴ Там же. Л. 89 об., 90.

шелся на конец августа) и, судя по всему, еще не успели прибыть на службу. Среди них мы видим переведенных из Вологодского драгунского полка гренадерского подпоручика Ивана Матюнина, капитана Петра Булгакова, поручиков Тимофея Веригина и Романа Некрасова, прапорщиков Лариона Белого, Матвея Храповицкого и Григория Сухова ¹. Из Луцкого полка должны были прибыть поручики Ларион Фролов и Лаврентий Фабрициус ². Соответственно всех их мы в дальнейшем уже не принимаем в расчет.

По возрастным показателям и срокам службы мы имеем здесь следующее распределение. В возрасте от 21 года до 30 лет находились на момент проведения смотров и составления именных списков в обоих полках 11 чел., от 31 до 40 – 18 чел., от 41 до 50 – 14 чел., от 51 до 60 – 6 чел. ³ Офицеры, которым уже исполнилось 40 и более лет, служили в армии еще с 1720-х гг. (или даже ранее), многие успели застать в живых Петра Великого. Те, кто были помоложе, начинали свою военную карьеру, как правило, уже в 1730-е гг., в царствование Анны Иоанновны. Исключение составляют поручик Луцкого полка Семен Михайлович Никитин, зачисленный на службу в 1729 г. 12-летним подростком ⁴, и его сослуживец прапорщик князь Федор Васильевич Козловский, начавший свою карьеру в 1727 г. в возрасте 13 лет ⁵. Самым молодым из драгунских обер-офицеров оказывается 22-летний прапорщик Олонецкого полка Сергей Яковлевич Ульянов – в армию он попал в 1742 г., будучи 15 лет от роду ⁶; самыми пожилыми – капитаны Луцкого полка Афанасий Иванович Ощерин (56 лет) и Олонецкого полка Михаил Львович Мерлин (55 лет) ⁷. Как видим, многократно упоминавшаяся мемуаристами-современниками практика фиктивного зачисления дворянских отпрысков на военную службу с раннего детства к середине XVIII в. еще не получила особенного распространения – из почти полусотни интересующих нас офицеров начинали

¹ РГВИА. Д. 339. Л. 10 об., 11, 44 об., 45, 104 об., 105, 118 об., 119, 134 об., 135, 152 об., 153.

² Там же. Л. 89 об., 90, 173 об., 174.

³ Подсчет наш.

⁴ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 89 об., 90.

⁵ Там же. Л. 121 об., 122.

⁶ Там же. Д. 339. Л. 59 об., 60.

⁷ Там же. Д. 309. Л. 57 об., 58; Д. 339. Л. 134 об., 135.

таким образом свою армейскую биографию единицы. Да и рядовыми в гвардии начинали только двое офицеров – прапорщики Луцкого полка Емельян Алексеевич Яншин и Аврам Иванович Полянский, до 1747 г. служившие рядовыми в лейб-гвардии Семеновском полку ¹.

Данные о сословном происхождении этих офицеров в общем совпадают с цифрами, приведенными Г. Ф. Быконой для 1754 г., т. е. чуть позднее интересующего нас периода ². В Луцком полку дворянами были все находившиеся в тот момент (1748 г.) на службе обер-офицеры – 25 чел., а еще один (поручик Карл фон Траутберг) происходил из лифляндцев ³. В Олонецком полку картина была несколько более пестрая, но и здесь среди офицеров преобладали представители российского «благородного шляхетства»: 12 чел. из 23, в тот момент (1749 г.) находившихся в полку. К ним также можно добавить прапорщика Никиту Белоусова, «из шляхетства полской нации, жителство имеет в Киеве» ⁴, и нескольких человек, принадлежавших к иностранным дворянским фамилиям: капитаны Иоганн фон Дипенбрук и Иоганн Линденман (Пруссия), Андреас фон Круль (Мекленбург), поручики Юрий Паскау (Курляндия), Джон Реберин (Голландия), прапорщик Иоганн фон Клингенберг (Австрия) ⁵. Всего, таким образом, выходцами из дворян показали себя 19 чел.

Не имели счастья принадлежать к дворянскому сословию четверо офицеров полка: капитан Александр Хотьянов (из подьяческих детей г. Путивля), поручики Мирон Черкашенинов («малороссийской нации»), Иван Дубняков (из солдатских детей г. Новопавловска Воронежской губернии), прапорщик Моисей Измайлов (сын орловского попа) ⁶. Заметим, что похожая картина наблюдалась и в армейских пехотных полках; там, правда, выходцев из тяглых сословий было несколько больше. Так, в Ширванском пехотном полку незадолго до его переброски в Сибирь (1743 г.) таковых насчитывалось среди обер-офицеров

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 41 об., 42, 57 об., 58.

² См.: *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население... С. 199, 200. Все приведенные ниже цифры подсчитаны нами.

³ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 25 об., 26.

⁴ Там же. Л. 74 об., 75.

⁵ Там же. Л. 10 об., 11, 28 об., 29, 118 об., 119, 151 об., 152.

⁶ Там же. Л. 59 об., 60, 89 об., 90, 152 об., 153, 173 об., 174.

8 чел., а в Нотебургском пехотном полку в 1748 г. – 5 чел.¹ Впрочем, это не должно удивлять – исследователями уже отмечено, что в XVIII в. кавалерия по-прежнему считалась привилегированным родом войск в русской армии, подобно тому, как это было и в полках «нового строя» на протяжении предыдущего столетия².

Большинство офицеров-дворян обоих драгунских полков сами были помещиками, владельцами крепостных, или же поместьями владели их ближайшие родственники. Правда, их имущественное положение трудно назвать завидным. По числу крепостных почти все офицеры относились к мелкопоместным. Меньше 50 душ крестьян м. п. имели 20 чел., от 50 до 100 душ м. п. – еще 12. О прапорщике Луцкого полка Михаиле Ивановиче Тихомирове сказано: «Жителство имеет в городе Симбирску, за ним мужеска полу душ не имеетца»³. Только четверо офицеров Луцкого полка могли считать себя вполне состоятельными земле- и душевладельцами. У гренадерского подпоручика Алексея Васильевича Семенова было 130 крепостных душ м. п. в Старицком и Зубцовском уездах Тверской провинции⁴, капитан Ефим Осипович Домогацкий владел 193 душами м. п. в Козельском уезде⁵, за капитаном князем Василием Васильевичем Мещерским были записаны 139 душ в с. Преображенском Бежецкой пятины Новгородского уезда⁶, а упоминавшийся выше прапорщик князь Ф. Козловский был «испомещен в разных уездах, за ним мужеска полу 300 душ». В Олонецком же полку самым богатым помещиком мог считать себя поручик Степан Михайлович Сербин, имевший 62 души м. п. в с. Никольском Шацкого уезда⁷.

Словом, вряд ли армейская служба приносила русским дворянам значительную выгоду или позволяла поддерживать

¹ См.: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Д. 254, 306. Подсчет наш.

² Быконя Г. Ф. Русское неподатное население... С. 195. См. также: Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 404; Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII в. Новосибирск, 2008. С. 53, 54.

³ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 137 об., 138.

⁴ Там же. Л. 9 об., 10.

⁵ Там же. Л. 41 об., 42.

⁶ Там же. Л. 105 об., 106.

⁷ Там же. Л. 29 об., 30.

в надлежащем состоянии собственные поместья, если только они не имели счастья принадлежать к знатым и богатым семействам. Этим же обстоятельством, вероятно, объясняется и то, что у ряда полковых офицеров сроки службы уже превышали предел в 25 лет, установленный для дворян манифестом императрицы Анны Иоанновны (1736 г.). Например, капитан Луцкого полка Афанасий Алексеевич Лукин, чья военная карьера началась еще в 1722 г., вполне мог просить отставки на законных основаниях, однако вряд ли рассчитывал на благополучную жизнь после этого – у него было лишь 12 душ м. п. в Муромском уезде¹. Поручик Иван Афанасьевич Челюскин, служивший с 1719 г., находился в аналогичном положении, имея всего 7 душ м. п. в Вологодском уезде². Зато их сослуживец из унтер-офицеров, вахмистр Петр Алексеевич Мнихов, вполне мог себе позволить не беспокоиться о своем будущем: за его матерью в разных уездах были записаны 250 душ крепостных м. п.³

Несмотря на такое достаточно скромное материальное положение, армейские офицеры в середине XVIII в. вполне соответствовали предъявляемым требованиям, прежде всего, по уровню образования. Если в гарнизонных частях еще можно было встретить даже в обер-офицерских чинах людей, которые «читать не умеют, токмо пишут свой чин, имя и прозвание», то в полевых полках они, как правило, не могли подняться выше унтер-офицерских чинов. Так, в рассматриваемых нами драгунских частях лишь один человек – прапорщик Олонецкого полка Лука Денисович Масленицкий – был неграмотным, что фактически закрывало ему дорогу к дальнейшему продвижению. В 1749 г. ему уже исполнилось 50 лет, срок его боевой службы исчислялся 26 годами, а прапорщиком он стал 10 лет назад, причем, вероятно, никаких перспектив на повышение теперь не имел⁴. Точно так же, например, в Нотебургском пехотном полку неграмотным был только один из обер-офицеров – поручик Иван Воронин⁵. Что касается иностранных офицеров, то они, похоже, не довольствовались владением родным языком, а считали нужным изучать рус-

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 25 об., 26.

² Там же. Л. 57 об., 58.

³ Там же. Л. 137 об., 138.

⁴ Там же. Д. 339. Л. 89 об., 90.

⁵ Там же. Д. 306. Л. 84 об., 85.

ский. По крайней мере, лишь один из упоминавшихся выше – капитан Олонецкого полка фон Дипенбрук – не владел русским языком, все остальные умели говорить и писать на языке той страны, в которой они служили.

С соблюдением дисциплины в армейских полках на протяжении 1740-х гг. дело обстояло также достаточно хорошо. Из всех обер-офицеров оказались замешанными в неблагоприятных поступках только 5 чел. Прапорщик Луцкого полка Иоасаф Андреевич Батурин «за перебранное двойное жалование по фальшивому аттестату» был на год разжалован в драгуны¹. Поручик гренадерской роты Олонецкого полка Ю. Паскау был «в фергере и криксерехте» (т. е. состоял под следствием и военным судом) в 1744 г. «за перебор из тверского магазина муки»²; его сослуживцу капитану Никите Васильевичу Буланину за столкновение с управителем Туринской слободы по приказу генерал-майора Киндермана было велено «учинить государева жалованья вычет и арест», как и поручику Ивану Федоровичу Богданову – «за обиду обывателей»³. В отношении капитана Олонецкого полка И. Линденмана по приказу Киндермана велось следствие «якобы в учинении в деревне Камарицкой пожару», однако дело так и не было закончено «за неприбытием тех обывателей, кои о том просили»⁴.

Для сравнения укажем, что в гарнизонных войсках Сибири ситуация была хуже: так, в Тобольском пехотном полку на протяжении 1740-х гг. совершили те или иные проступки (зачастую весьма тяжелые по своим последствиям) 6 обер-офицеров, в Новоучрежденном драгунском полку – 5 чел.⁵ Впрочем, исследователями справедливо замечено, что служба в гарнизонных войсках была значительно менее престижной, нежели в действующей армии, поэтому и комплектовались эти части соответственно: «Они часто выступали в качестве своего рода дисциплинарных учреждений для провинившихся нижних чинов и офицеров полевых войск... были заняты не только военной службой, но и различного рода гражданскими службами. Личный со-

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 168 об., 169.

² Там же. Д. 339. Л. 10 об., 11.

³ Там же. Ф. 490. Оп. 1. Д. 339. Л. 44 об., 45.

⁴ Там же. Л. 151 об., 152.

⁵ См.: Там же. Л. 281, 335. Подсчет наш.

став гарнизонных полков нередко был вынужден искать дополнительные способы для своего пропитания»¹.

Косвенным показателем доверия к армейским офицерам со стороны властей и полкового начальства являются и те служебные поручения, которые они выполняли. Исследователями уже отмечено активное участие военных, особенно офицеров, во многих сферах гражданского управления². Ряд обер-офицеров Луцкого полка были привлечены к переписи населения («генеральной ревизии») в соседней Казанской губернии: капитаны А. Лукин и М. Тургенев, поручики М. Апраксин и И. Селеев³. Их сослуживец капитан Е. Домогацкий «ревизовал» Московскую губернию⁴. Гренадерский капитан Н. Демьянов отправился в конце 1747 г. в Санкт-Петербург – он вез в Камер-коллегию книги, составленные по итогам ревизии населения Сибирской губернии⁵. Поручик И. Слепушкин был тогда же послан в столицу доставить в Сенат ведомости и денежную казну «от генеральной ревизии»⁶. Капитан С. Страхов в 1748 г. был назначен в «комиссию провиантских дел» по Сибирской губернии⁷. Словом, как и во времена Петра Великого, в середине XVIII в. мы можем наблюдать, что офицеры полевых и гарнизонных частей по-прежнему играли весьма значительную роль в жизни тех губерний, где были расквартированы войска.

Подведем краткие итоги. Мы видим, что драгунские полки, в указанный период времени находившиеся на сибирской службе, по основным параметрам соответствовали тем требованиям, которые предъявлялись верховной властью к полевым армейским частям. Об этом свидетельствуют показатели численности рядовых и офицеров обоих полков, а также данные о сословном происхождении и материальной обеспеченности последних. Вместе с тем пребывание на восточной окраине империи придало этим соединениям ряд особенностей, прежде всего касающихся источников пополнения. Передислока-

¹ Гаврищук В. В. Русская армия... С. 76.

² См.: Быконя Г. Ф. Русское неподатное население... С. 190–194; Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Русская пехота... С. 68–69.

³ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 309. Л. 25 об., 26, 121 об., 122, 152 об., 153.

⁴ Там же. Л. 41 об., 42.

⁵ Там же. Л. 9 об., 10.

⁶ Там же. Л. 41 об., 42.

⁷ Там же. Л. 89 об., 90.

ция в Сибирь фактически прекратила перевод в эти полки офицеров из тех подразделений, что были расквартированы в европейской части страны, а рядовыми драгунами в ходе рекрутских наборов 1747 и 1748 гг. начали становиться местные уроженцы. Это доказывает настоятельную необходимость дальнейшего изучения кадрового состава и принципов организации отдельных соединений русской армии в середине XVIII в. – только так, на наш взгляд, можно получить подробное и целостное представление о состоянии вооруженных сил Российской империи и их эволюции на протяжении данного столетия.